

И. В. Бондаренко

МОТИВИРОВАННОСТЬ НАРУШЕНИЙ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Мотивированность языковых нарушений рассматривается в рамках речевого воздействия в пространстве английского политического дискурса. Целью исследования является определение лингвистических факторов, влияющих на развитие семантического содержания языковых аномалий, мотивирующих их употребление в публичной речи. В результате исследования установлено, что способность языковых отклонений приобретать и реализовывать в дискурсивном пространстве сопутствующие стилистические и прагматические значения усиливает их смысловое содержание, выразительность и эмоциональность, что создает условия для функционирования аномалий в политическом тексте в качестве экспрессивных стилистических средств с высоким прагматическим потенциалом воздействия на адресата. В заключение делается вывод о том, что языковые нарушения, придавая политической речи особую живость и выразительность, привлекают внимание слушателей, возбуждают эмоции, заставляют задумываться и следовать за мыслью оратора.

17

This article considers motives behind the breaking of language norms in persuasion in the space of English political discourse. The study aims to determine the linguistic factors influencing the development of the semantic content of language anomalies and encouraging the use of the latter in public speech. The study found that the ability of linguistic deviations to acquire and convey relevant stylistic and pragmatic meanings in the discourse space enhanced the semantic content, expressiveness, and emotionality of these meanings. All this creates conditions for anomalies to function in political texts as expressive stylistic means that have a high potential for pragmatic impact on the addressee. It is concluded that, in giving political speech special liveliness and expressiveness, language-norm-breaking attract the attention of listeners, arouse their emotions, and make them think and embrace the intent of the speaker.

Ключевые слова: языковые нарушения, языковая норма, политический дискурс, речевое воздействие, стилистические средства.

Keywords: language-norm-breaking, language norm, political discourse, speech impact, stylistic devices.

Для современной лингвистической ситуации характерен мощный подъем интереса к языковой норме, который проявляется в исследованиях языковой игры, источников обновления литературной нормы, намеренных отклонений от нормы, соотношения языковой нормы и аномалий, вольного отношения к языковой норме, типичных нарушений норм и т. д. В этой связи становится актуальным исследование мотивированности языковых нарушений.

Мотивированность нарушений языковой нормы изучается в аспекте речевого воздействия в сфере английского политического дискурса. Как известно, основная функция политического дискурса – это функция речевого воздействия, которая реализуется разнообразными языковыми средствами, осуществляющими контроль за сознанием и эмоциональной сферой адресата. Кроме того, пристальный интерес к проблемам политического языка объясняется тем, что в этой сфере «происходят языковые процессы, оказывающие существенное влияние на развитие нормы литературного языка» [8, с. 41].

Целью работы является прагматистический анализ языковых отклонений, направленный на выявление механизма преобразования их основного содержания, мотивирующего использование языковых аномалий в английском политическом дискурсе. В *задачи* исследования входят определение наиболее активных типов языковых нарушений, характерных для английских политических текстов, раскрытие их сопутствующих значений, а также установление взаимодействия дополнительных значений и их связей с основным значением языковых аномалий. *Новизна* исследования заключается в попытке определить механизм трансформации языковых нарушений в экспрессивные стилистические средства политического дискурса.

Исследование вопросов, связанных с языковой нормой английского языка, имеет непосредственное отношение к понятиям *стандартный язык* и *литературный язык*, «который иначе называют нормированным или кодифицированным» [7, с. 246]. Как отмечает Н.Н. Германова, в настоящее время английский литературный язык является исторически ограниченной формой существования языка, «обреченной уступить место, с одной стороны, диалектам и миноритарным языкам, а с другой – языкам межнационального общения» [4, с. 41]. Что касается стандартного английского языка, то он представляет собой «усредненный язык, выполняющий инструментальную функцию и имеющий коммуникативно-прагматическую направленность» [4, с. 45]. «Стандартизация английского языка началась с письменной формы, а затем постепенно перешла на другие аспекты речи, включая грамматику, вокабуляр, произношение... стандартный английский стал диалектом политической и культурной власти – начиная с 1940-х годов он признан “правильным” английским языком» [9, с. 67]. Д. Кристал связывает появление стандартного английского языка с «необходимостью создания национального лингва франка, систематически используемого между людьми, которые являются носителями региональных диалектов» [11, р. 101].

Профессор Норман Фэрклаф, один из основателей анализа критического дискурса, считает, что «придание стандартному английскому доминирующей роли и подчинение ему всех остальных диалектов было неотъемлемой частью установления доминирования капиталистического класса и подчинения рабочего класса» [12, р. 47–48].

Исследуемый дискурс представлен речами ведущих политических лидеров Великобритании, отобранными с официального государственного сайта правительства Великобритании GovUK. Ораторский стиль

предназначен для того, чтобы «убедить в правильности выдвигаемых положений, вызвать соответствующее отношение к излагаемым фактам и иногда даже побудить к действию» [3, с. 413]. Публичная речь, будучи монологом, не может тем не менее считаться односторонней, поскольку предназначена для коммуникации с адресатом. Хотя политик говорит для аудитории, слушатели не остаются пассивными — они могут принимать информацию, соглашаться с оратором или сомневаться в его высказываниях, на что политику требуется реагировать, улавливая настроение по реакции на свои слова для того, чтобы установить контакт со слушателями. «В основе действенности речи лежат такие аргументы, выбор которых аргументирован ситуацией общения и составом аудитории. Эти аргументы должны действовать не только логически, но и эмоционально, только тогда они могут быть убедительными» [1, с. 225]. Необходимость задевать и будоражить чувства и эмоции слушателей диктуется возможностью через них воздействовать на сознание слушателей.

Е. А. Репина рассматривает эмоциональное воздействие как «часть прагматической установки политического текста» [10, с. 32], отмечая при этом «ведущую роль эмоционального фактора в динамике языкового употребления» [10, с. 33] в сфере политического дискурса.

Языковые отклонения, используемые в публичной речи политика и способные придать языку эмоциональность, живость и экспрессию, могут употребляться в качестве экспрессивного стилистического средства. В этом случае они являются осознанными, специально запланированными, рассчитанными на понимание, на передачу специального смысла и достижение определенного стилистического или прагматического эффекта. Такой стилистический прием оказывается весьма эффективным средством воздействия, поскольку способен акцентировать и удерживать внимание аудитории на сообщении, в котором содержатся неожиданные для адресата разнообразные лексические, синтаксические, коммуникативные аномалии.

В английский текст политического выступления ораторы часто включают инверсию — грамматическое отклонение от нормы, состоящее в нарушении обычного порядка слов с целью эфематически и позиционно выделить в высказывании наиболее значимую информацию. Например: «Across the continent, from Ypres to Monte Casino, from Bayeux to Arnhem, in stone cold cemeteries **lie the remains** of British servicemen who crossed the Channel to help subjugated nations throw off the tyrant's yoke and return liberty to her rightful place on what Churchill called "this noble continent"» [13]. Обычно при нарушении грамматического правила говорящий рассчитывает на определенный прагматический эффект. Чтобы отметить особую роль павших британских солдат в освобождении европейского континента от захватчиков во время Второй мировой войны, Д. Кэмерон поместил подлежащее *the remains of British servicemen* в необычную для него рематическую позицию — после сказуемого. Использование инверсии мотивировано необходимостью сделать эмоциональный акцент на конструкции подлежащего. Допол-

нительная инверсия обстоятельства места, открывающего предложение, обеспечивает большую торжественность и выразительность всему высказыванию. Такой прием неизбежно захватывает внимание, тревожит чувства, вызывает положительные эмоции. В результате в этой части выступления инверсия оказывается стилистически, прагматически и коммуникативно крайне значимым языковым средством, речь оратора звучит ярко и пронзительно.

В английском политическом тексте активно используется упрощение лексико-грамматических структур, представляющее собой отступление от общепринятых норм. Такое явление получило название семантической свертки – «операции, редуцирующей, сворачивающей смысл в имени» [6, с. 74]. В трансформационной грамматике этот процесс известен как номинализация. Например, Д. Кэмерон в своей знаменитой речи по вопросу о выходе из ЕС обещает публике *in-out referendum*, а также использует варианты этой номинации *in-or-out-choice*, *in/out referendum*: «And I promised the British people that, if I was re-elected as Prime Minister, we would have an **in-out referendum** and the final say on whether our national and economic security is better protected by remaining in the European Union, or **by leaving**»; «And when we have negotiated that new settlement, we will give the British people a referendum with a very simple **in-or-out choice** to stay in the EU on these new terms; or come out altogether. It will be an **in/out referendum**» [13]. Употребление свертков в виде имен вместо формулирования поясняющих высказываний является удобным сокращением в наших смысловых операциях. Дефиницией для этих свертков выступает ‘referendum on whether UK remain a member of the European Union or leave the European Union’. Использование ненормативных семантических свертков мотивировано тем, что они обладают высоким потенциалом воздействия, поскольку относятся к типичным смысловым операциям: развернутый смысл таких наименований легко угадывается и раскрывается адресатом, активизируя при этом мыслительный процесс и усвоение информации.

Мотивированные языковые нарушения, как всякие языковые эксперименты, служат поиску новых средств языковой выразительности, эмоциональности, поскольку, по замечанию Л. А. Козловой, «намеренные отклонения от нормы несут определенную функциональную, прежде всего эстетическую нагрузку» [5, с. 123]. «Competent writers know they have the ability to switch into and out of Standard English, when there is an effect to be achieved» [11, p. 102].

В поисках выразительных средств языка Т. Мэй обращается к умышленному нарушению грамматической нормы: «The potential to serve your country, to improve peoples' lives, and – **in however big or small a way** – to make the world a better place» [15]. Использование разговорного выражения с инверсией определений и опущением глагола-связки добавляет речи особую выразительность, притягивает внимание адресата к излагаемой информации и вынуждает следовать за развитием мысли оратора. «Осознанная речевая ошибка, к месту и со смыслом

сделанная, придает речи некоторую пикантность» [2, с. 47]. Подобные замысловатые манипуляции с языком также обладают высоким потенциалом воздействия.

В некоторых случаях сочинительные союзы могут использоваться в начале предложения, что будет отклонением от нормы. Более того, в таком употреблении союзы сближаются с присоединительными модальными словами. Например: «It has led to what is in effect a form of “absolutism” – one which believes that if you simply assert your view loud enough and long enough you will get your way in the end. **Or** that mobilising your own faction is more important than bringing others with you» [15]. Подобное отклонение от грамматической нормы является прагматически значимым. Мотивированность использования сочинительного союза *or* в начале самостоятельного предложения обусловлена тем, что он служит не только для выражения логической связи с предшествующим предложением, противопоставляя отдельные суждения, но и для привлечения внимания слушателей именно к этой части высказывания, передающей специальный смысл.

Языковые нормы имеют прямое отношение к правилам организации языковых единиц в тексте. Нарушая эти нормы, оратор создает языковые аномалии, препятствующие плавной коммуникации, но вместе с тем стимулирующие живой интерес аудитории к этой части выступления. Так, например, использование в ораторской речи близких повторов одних и тех же слов рассматривается как речевые излишества: «For the future, if **we** can recapture the spirit of common purpose – as I believe **we** must – then **we** can be optimistic about what together **we** can achieve. **We** can find the common ground that will enable us to forge new, innovative global agreements... **We** can renew popular support for liberal democratic values... And in so doing, **we** can secure our freedom, **our** prosperity and **our** ability to live together peacefully now and for generations to come» [15]. Явление тавтологии относится к речевым ошибкам, близкие повторы засоряют речь, оскорбляют слух адресата. Однако намеренное использование политиком многократного повтора местоимений *we* и *our* в обращении к адресату является стилистически и прагматически мотивированным, поскольку реализует настойчивое приглашение аудитории к совместным действиям и помогает политику установить контакт, который создает ощущение наличия общих интересов и вызывает у адресата чувство солидарности, стимулирует принятие и усвоение информации, отражающей перспективы успешного сотрудничества в будущем, предложенные Т. Мэй.

Ненормативные языковые признаки в сфере словоупотребления весьма характерны для английского политического текста. Например: «The doubters, the doomsters, the **gloomsters** – they are going to get it wrong again. The people who **bet against** Britain are going to **lose their shirts** because we are going to restore trust in our democracy and we are going to fulfil the repeated promises of parliament to the people and come out of the EU on October 31 **no ifs or buts** and we will **do a new deal**, a better deal that will maximise the opportunities of Brexit while allowing us to

develop a new and exciting partnership with the rest of Europe based on free trade and mutual support. I have every confidence that in 99 days' time we will have cracked it but **you know what** — we aren't going to wait 99 days because the British people have had enough of waiting» [14]. Борис Джонсон в своей первой речи на посту премьер-министра не поспешил на использование разного рода словоупотреблений, не отвечающих общезыковым и стилевым нормам. Неуместное употребление в официальной политической речи разговорных вариантов идиом *loose shirts, no ifs or buts, you know what*, а также экспрессивно окрашенного дериватанеологизма *gloomster* с семантически пустым, но прагматически крайне значимым суффиксом создают замысловатую семантико-стилистическую комбинацию, которая, вырываясь из нормативных рамок, производит особое впечатление, приобретает крайнюю выразительность, задевает эмоциональные струны адресата и не оставляет сомнений у слушателей по поводу скорого и благоприятного выхода страны из ЕС, поскольку политический лидер дает обещание в манере всем понятного разговорного языка: *we will have cracked it*. При такой сознательной речевой шалости нарушающий правила рассчитывает на юмористический (или эстетический) эффект, смягчающий остроту ситуации, при этом расчет должен делаться на слушателей, которые способны оценить подобную игру.

Использование лексики ограниченного употребления, в том числе терминов, в публичной речи рассматривается в качестве нарушения коммуникативной нормы, когда в результате использования незнакомых адресату слов происходит несоблюдение принципа понятности, доступности речи. В этом случае слушатели не могут полноценно воспринимать речь, более того, поскольку специальные наименования требуют дополнительного разъяснения, они могут отвлекать слушателей от основного содержания выступления. Тем не менее ораторы включают в свою речь терминологические единицы, которые останавливают на себе внимание адресата, заставляя задуматься и попытаться вникнуть в суть передаваемой информации. Например, Т. Мэй в своей речи использовала термин из области энергетики, поместив его в обширный объяснительный контекст: «From treating the earth as a collection of resources to be plundered, we have within a generation come to understand its fragile diversity and taken concerted action to conserve it. The UK is leading the way in that effort with our commitment to **net zero emissions**. Social attitudes in our country and many other western countries have transformed in recent decades» [15]. Хотя политик не дала определения использованного в речи термина, а продолжила развивать тему, цель — привлечь внимание аудитории к важной информации — была достигнута. Термин не мог остаться незамеченным адресатом, незнакомое наименование заострило на себе внимание слушателей, как и вся сопутствующая информация, переданная оратором.

В результате исследования мы пришли к следующим *выводам*.

Несоблюдение языковых норм оправдано в текстах английских политических выступлений, в которых языковые нарушения проявляются

на лексическом, грамматическом, коммуникативном уровнях. Английские политики чаще всего используют грамматические нарушения, позволяющие им наиболее выразительно оформить свои высказывания.

Прагмастилистический анализ отклонений от языковой нормы позволил вскрыть механизм преобразования языковых аномалий в стилистические средства: выявленные сопутствующие дополнительные компоненты значений языковых аномалий, воплощающие стилистические и прагматические значения, способны добавлять к базовому содержанию аномалий эмоционально-стилистическую окраску, расширять экспрессивные возможности и повышать воздействующий потенциал языковых нарушений, что мотивирует их использование в качестве экспрессивных стилистических средств в политическом дискурсе.

Языковые отклонения, функционирующие в публичной речи в качестве стилистических средств, нарушают строгую форму официального стиля, придают выразительность и живость подаче информации, что вызывает интерес у адресата, «цепляет» его внимание, будоражит и задевает чувства и эмоции, воздействует на сознание, повышая податливость слушателей к восприятию и усвоению передаваемой информации.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использовать его выводы при дальнейшем изучении системных языковых отклонений в аспекте их когнитивного варьирования при передаче смыслового содержания.

Список литературы

1. Айснер Л. Ю. Культура публичной речи // Вестник КрасГАУ. 2009. №4. С. 225–227.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие. М., 2003.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
4. Германова Н. Н. Языковое варьирование и норма в трудах британских социолингвистов // Норма и вариативность в языке и речи : сб. науч. тр. М., 2017. С. 40–59.
5. Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2ю (18). С. 121–128.
6. Кравец А. С. Имена и дескрипции: семантическая свертка // Человек, познание, культура : сб. ст. Вып. 1. Воронеж, 2000. С. 74–88.
7. Крысин Л. П. Литературная норма и речевая практика средств массовой информации // Язык и дискурс СМИ в XXI веке. М., 2011. С. 245–255.
8. Одинцов В. В. Стилистика текста : монография. М., 1980.
9. Островская Т. А. Стандартный английский язык и его роль в семиотике дискурса элиты // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 4 (149). С. 65–70.
10. Репина Е. А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат : монография / под ред. В. П. Белянина ; предисл. В. А. Шкуратова. М., 2012.
11. Crystal D. The Fight for English: How language pundits ate, shot, and left. N. Y., 2007.

12. *Fairclough N.* Language and Power. 3rd ed. Abington ; N. Y., 2015.

13. *Cameron D.* Prime Minister's speech on Europe. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-europe> (дата обращения: 26.07.2019).

14. *Johnson B.* Boris Johnson's First Speech as Prime Minister 24 July 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/boris-johnsons-first-speech-as-prime-minister-24-july-2019> (дата обращения: 28.07.2019).

15. *May T.* PM speech on the state of politics. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-state-of-politics> (дата обращения: 20.06.2019).

Об авторе

24

Ирина Викторовна Бондаренко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: irbond@mail.ru

The author

Dr Irina V. Bondarenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: irbond@mail.ru